МОНТАЖ ИЗ ВОЗДУХА

КОНСТАНТИН СТАРКОВ

Константин Старков

Монтаж из воздуха

«Автор»
2026

Старков К.

Монтаж из воздуха / К. Старков — «Автор», 2026

«Город не хотел меня замечать. Он делал это нарочно — так, будто я был не человеком, а опечаткой в его бетонной грамматике».Виктор приезжает в странный город в поисках легендарного кинотеатра «Без названия», где крутят не фильмы, а все версии реальности сразу. Но город оказывается не фоном и не декорацией — он живой монтажёр: сдвигает дома, вращает площади, подкидывает трамваи, маршрут которых игнорирует гравитацию, и собирает воспоминания героя в рваные, неудобные склейки.В этом пространстве ясность — признак конца, а смысл прячется в несовпадениях. Через парадоксальные диалоги, сюрреалистичные сцены и «монтаж из воспоминаний» Виктор учится не искать единственно правильную версию себя — а оставаться в кадре, даже если склейка получилась неровной.«Монтаж из воздуха» — это гонзоартхаусный опыт, где реальность рассыпается на кадры, а герой собирает себя заново — без сносок, без пояснений, без оправданий.

© Старков К., 2026
© Автор, 2026

Монтаж из воздуха

Первая глава. Город как опечатка

Город не хотел меня замечать. Он делал это нарочно — так, будто я был не человеком, а опечаткой в его бетонной грамматике. Я шёл по переулку, где тени лежали косо, как плохо склеенные кадры из чужого сна, и думал: если сейчас изза угла выйдет ктото с камерой и скажет «снято», я не удивлюсь. Здесь всё было слишком кинематографичным, чтобы быть правдой.Я приехал сюда не ради сюжета. Сюжет сам находил меня — липкий, нервный, как запах дешёвого растворителя в пустой квартире. Меня звали Виктор, но в этом городе имена не работали. Здесь ты становился тем, что о тебе думали прохожие, тем, что отражалось в витринах, тем, что шептали стены, если прижаться к ним ухом и перестать дышать.Моя цель была простой до абсурда: найти кинотеатр, который показывали в старом репортаже — тот, что работал по ночам и крутил фильмы без названий. Только кадры, только обрывки, только тишина между сценами, в которой можно было услышать, как город дышит. Репортаж был снят лет десять назад, и с тех пор о кинотеатре не было ни слова. Но я верил в эту легенду так же слепо, как верят в приметы те, кто слишком долго живёт на вокзалах.Переулок вывел меня к площади, которая выглядела как декорация, забытая после съёмок апокалипсиса. Посреди неё стоял неработающий фонтан, его чаша была забита окурками и сухими листьями, а бортики покрывали надписи, которые никто не собирался читать. Я остановился, достал блокнот и записал: «Площадь как пауза в диалоге. Никто не знает, что говорить дальше». Это была моя гонзоманера фиксировать реальность: не описывать, а ловить её за хвост, пока она не исчезла в собственной метафоре.Ко мне подошёл старик в пальто, которое казалось сшитым из старых афиш. Он не смотрел на меня, а смотрел сквозь, будто я был прозрачным, как стекло, в которое он привык не врезаться.— Ты ищешь «Без названия»? — спросил он, не замедляя шага.— Откуда вы знаете? — я едва успел повернуться.— Здесь все ищут «Без названия». Просто не все в этом признаются.Он ушёл, оставив после себя запах табака и чегото ещё — может быть, старой плёнки, может быть, разочарования. Я стоял и смотрел ему вслед, чувствуя, как реальность снова сдвигается, как кадр, который не успели вовремя обрезать.Я двинулся дальше, мимо витрин, где манекены застыли в позах, которые невозможно повторить без боли. В одном окне висела вывеска: «Ремонт часов. Время не возвращается». Я усмехнулся. В этом городе время не просто не возвращалось — оно пряталось по углам и наблюдало за тобой, как невидимый режиссёр.Наконец я увидел его. Кинотеатр прятался между двумя обшарпанными домами, будто стыдился своего существования. Вывеска была почти стёрта, буквы напоминали следы, оставленные на мокром песке. Дверь была приоткрыта, и из щели тянуло холодом и запахом пыли, который бывает только в местах, где давно не было зрителей.Я вошёл.Внутри было темно, и эта темнота была не просто отсутствием света — она была плотной, почти осязаемой, как ткань, которую ктото натянул между реальностью и сном. В зале стояли ряды старых кресел, их обивка потрескалась, а спинки были покрыты царапинами, похожими на чьито попытки оставить послание. В центре зала, прямо на полу, лежал проектор — старый, тяжёлый, с линзой, которая смотрела на меня, как глаз, забывший, как моргать.И тут я услышал голос. Он звучал не из динамиков, не из проектора, а будто из самой темноты.— Ты пришёл посмотреть фильм или стать его частью? — спросил голос, и в нём не было ни насмешки, ни угрозы — только усталость человека, который слишком долго отвечал на одни и те же вопросы.— Я не знаю, — честно ответил я. — Наверное, я пришёл, чтобы понять, где заканчивается одно и начинается другое.В темноте раздался тихий смешок.— Здесь этого не знают даже мы, — сказал голос. — Но мы можем показать тебе несколько кадров. Может быть, ты сам соберёшь из них историю.Свет вспыхнул неожиданно, резко, как удар по нервам. На экране, который я сначала принял за стену, появились первые кадры: размытые, дрожащие, будто снятые на камеру, которую ктото держал в трясущихся руках. На них был тот самый переулок, по кото-

рому я только что шёл. Я видел себя — маленькую, едва различимую фигуру, которая двигалась по краю кадра, не подозревая, что за ней наблюдают.Это было не отражение. Это было предсказание.

Глава вторая. Кадры, которые не монтируются

Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул, будто ктото дёрнул рубильник, устав от собственной смелости. В темноте я услышал не слова — я услышал паузы между ними. Они были густыми, как застывающий клей, и в них шевелилось чтото, похожее на смысл, если долго вглядываться. — Не пытайся понять, — голос из темноты звучал теперь ближе, почти у самого уха, но я не обернулся: боялся, что, если поверну голову, увижу пустоту, которая притворяется человеком. — Здесь не собирают истории, здесь их распускают, как вязаные вещи. Смотри на швы. На экране снова чтото зашевелилось. Это не было похоже на кино. Это было похоже на попытку памяти вспомнить себя: рваные куски, наложенные друг на друга, как слои пыли на старом окне. Я видел переулок, по которому шёл, но теперь он был не один — их было сразу три, наложенных друг на друга: один — в сепии, второй — в кислотнозелёном, третий — чёрнобелый, будто вырезанный из газеты. И в каждом переулке я шёл чуть иначе: в одном — ссутулившись, в другом — почти танцуя, в третьем — будто меня тянули за невидимую верёвку. Это не было монтажом. Это была реальность, которую ктото пытался отредактировать на лету, и у него не хватало времени. Из темноты донёсся скрип — так звучит кресло, когда на него садится ктото, кто давно не был среди людей. — Нравится? — спросил голос. — Это наш способ показывать правду. Не одну версию, а все сразу. — Это сбивает с толку, — признался я. — Значит, работает, — в голосе мелькнула усмешка. — В нашем кинотеатре не бывает ясности. Ясность — это когда всё уже закончилось. А мы здесь про то, что ещё не решило, чем стать. Я сел в одно из кресел — обивка была жёсткой, с колючими нитками, которые цеплялись за одежду, будто не хотели отпускать. На подлокотнике ктото выцарапал: «Я здесь был, но это не точно». Я улыбнулся. В этом городе даже признания в существовании требовали оговорки. На экране появился новый кадр: крупный план чьихто рук, перебирающих киноплёнку. Плёнка была поцарапанной, местами обгоревшей, и на каждом кадре мелькала одна и та же деталь — угол вывески, которую я видел на площади. Только теперь она выглядела иначе: буквы складывались не в название, а в случайный набор символов, будто язык, который забыли, но ещё помнили во сне. Руки на экране замерли. Потом одна из них провела по плёнке, как по лицу спящего, и кадр рассыпался на полосы, как сигнал, потерявший связь. — Иногда мы показываем то, что не успели снять, — сказал голос. — Или то, что сняли, но не хотели видеть. В этот момент я понял, что в зале есть ктото ещё. Не голос, не проекция — живой человек. Он сидел в дальнем ряду, так неподвижно, что казался частью декораций. Когда я вгляделся, он слегка наклонил голову — ровно настолько, чтобы дать понять: он заметил, что я его заметил. Но не больше. Экран погас. В наступившей тишине я услышал, как гдето капает вода — ритмично, будто отсчитывая кадры. Кап. Пауза. Кап. Пауза. Как монтажная склейка. — Хочешь увидеть чтото своё? — голос теперь звучал откудато сбоку, будто его хозяин пересел. — Не чужое кино, а то, что прячется у тебя в голове, когда ты стараешься не думать об этом. Я хотел сказать «нет», но вместо этого кивнул. Потому что в этом городе «нет» звучало как ложь, а ложь здесь быстро становилась правдой, и тогда уже не поймёшь, где ты начал, а где тебя подхватило. Проектор щёлкнул, загудел, и на экране появились не улицы, не вывески, не случайные прохожие. Там был мой старый блокнот — тот самый, что лежал у меня в кармане. Страницы листались сами собой, слишком быстро, чтобы успеть прочитать, но достаточно медленно, чтобы узнать почерк. А потом на одном из кадров мелькнуло слово, которого я точно не писал: «Ожидание». Оно повисло на экране, как вывеска, которую забыли снять после закрытия. — Мы не добавляем слов, — спокойно сказал голос. — Мы просто показываем то, что уже там было, но ты не замечал. Человек в дальнем ряду встал. Он не шёл — он двигался так, будто каждый шаг был частью танца, который никто не учил, но все когдато видели во сне. Подойдя ближе,

он протянул мне катушку плёнки. Она была тёплой, будто её только что держали в руках. — Возьми, — сказал он тихо, почти беззвучно, так, что слова долетали не ушами, а кожей. — Это не фильм. Это способ смотреть. Я взял катушку. Металл был гладким, но на одной стороне ктото нацарапал стрелку и надпись: «Не читай, смотри». И тут экран снова вспыхнул — но не фильмом, а белым шумом, таким плотным, что в нём можно было утонуть. В этом шуме мелькали обрывки: тень на стене, поворот ключа, чейто смех, который обрывался на полуслове. Это было не кино. Это был город, который пытался рассказать о себе, но не знал, с чего начать. — Здесь нет начала, — сказал голос, и на этот раз я понял, что голосов стало два, и я не знаю, какой из них настоящий. — Есть только кадры. И ты — один из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.